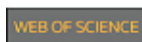




Чарина О. И. Традиционные исторические песни русских старожиллов Якутии : варианты песни о графе Чернышеве / О. И. Чарина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 318—333. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333.

Charina, O. I. (2022). Traditional Historical Songs of Russian Old-Timers of Yakutia: Versions of Song about Count Chernyshev. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 318-333. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333

**Традиционные
исторические песни
русских старожиллов
Якутии:
варианты песни
о графе Чернышеве**

Чарина Ольга Иосифовна

orcid.org/0000-0002-9705-6806

кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
ochar@list.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

**Traditional Historical Songs
of Russian Old-Timers
of Yakutia:
Versions of the Song
about Count Chernyshev**

Olga I. Charina

orcid.org/0000-0002-9705-6806

PhD in Philology, Associate Professor,
Senior Research
ochar@list.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Чарина О. И., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности вариантов песни о пленении графа Захара Григорьевича Чернышева в репертуаре старожиллов Северо-Востока Якутии. Материалом для исследования послужили тексты песен, зафиксированные на Индигирке и Колыме. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время локальные фольклорные тексты изучаются в аспекте определения степени традиционности сюжета. Применяются методы, которые помогают уточнить особенности фольклорного текста: описательный, сравнительно-сопоставительный метод, некоторые приемы лексико-семантического анализа. Установлено, что русскоустыинский и колымские варианты песни имеют сходство в образах, подходе к теме, развитию сюжета. Отмечается, что в них по сравнению с другими историческими песнями, которые бытовали на Индигирке и Колыме, практически не заметно влияние якутского языка. Показано, что в Русском Устье важна была преемственность, точное исполнение усвоенного текста, а на Колыме, по-видимому, допускались изменения в тексте. Автор приходит к выводу о неслучайности трансформации лейтмотива песни от первых записей, где герой попадает в прусский плен и тема воли звучит как основная, до последних зафиксированных вариантов, где говорится о том, что граф Чернышев готов послужить «царю белому», и тема воли завуалирована.

Ключевые слова:

исторические песни; русский фольклор Якутии; традиции; варианты; сюжет, образы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the characteristics of the song versions devoted to the capture of the count Zakhar Chernyshev in the repertoire of the old-timers living in north-eastern Yakutia. The data include the texts of the songs recorded on the Indigirka and the Kolyma. The relevance of the study is due to the following: nowadays the local folklore texts are being studied to define the degree of traditionalism of the plot. The implemented methods such as a descriptive method, a comparative method and some methods of lexicosemantic analysis help to reveal the features of the folklore text. It has been established that the version accepted in Russkoye Ustye and the Kolyma version of the song are similar in images, approaches to the theme and the development of the plot. It is noted that the influence of the Yakut language on these songs is hardly noticeable, in comparison with other historical songs that existed on the Indigirka and the Kolyma. It is shown that continuity and the exact execution of the learned text were important in Russkoye Ustye, whereas changes in the text might have been allowed on the Kolyma. The author comes to the conclusion that there is no accident in the transformation of the leitmotif of the song from the first records, where the character is captured by the Prussians and the theme of will is the main one, to the last recorded versions, in which count Chernyshev is ready to serve the "White Tsar" and the theme of will is hidden.

Key words:

historical songs; Russian folklore of Yakutia; traditions; versions; plot; images.

Традиционные исторические песни русских старожилов Якутии: варианты песни о графе Чернышеве

© Чарина О. И., 2022

1. Введение = Introduction

Освоение северных территорий Российского государства начинается с XVII века. Русские первопроходцы активно вступали в языковые и культурные контакты. Были основаны поселения в устьях рек Колымы и Индигирки, где поселились русские арктические старожилы — походчане и русскоустыинцы.

Нам важно замечание В. В. Головина, который, рассматривая различные поселения и их фольклорные традиции, считает, что условия, влияющие на фольклор анклава, различны: «В одних случаях мы фиксируем не только жизнь традиции, но и ее развитие (у некоторых старообрядцев), в других — сохранность ее, возможно, более сильную, чем на исторической родине (Русское Устье на Индигирке), в-третьих — ее сходство с «материнской» (русские в Финляндии), в-четвертых — наличие процесса свертывания..., а иногда и утрачивания традиции, в-пятых, мы видим только редкие следы былых русских традиций в местном иноэтническом фольклоре (сахалыры Средней Лены)» [Головин, 1995, с. 17].

В настоящее время локальные фольклорные тексты активно изучаются, с тем чтобы определить степень традиционности сюжета или уточнить характер локальной специфики фольклорных материалов.

Исторические песни и былины записывались во время работы экспедиций Института языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР в 1946 году.

Целью настоящей работы является изучение вариантов исторической песни о пленении графа Захара Григорьевича Чернышева в репертуаре старожилов Северо-Востока Якутии. Для анализа выбраны сюжеты, зафиксированные в двух местах бытования: в селе Русское Устье на Индигирке и в нескольких поселениях на Колыме.

Работа продолжает исследование, связанное с уточнением репертуара, жанровых и стилевых особенностей, отличающих эпическую поэзию Северо-Востока Якутии, зафиксированную в XIX—XX веках. Такое исследование проводится, в частности, в статье «Некоторые особенности русской локальной традиции Якутии: исторические песни о Скопине» [Чарина, 2022, с. 116—122].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В своем исследовании мы опирались на труды отечественных ученых. Так, основными для нас являются исследования В. Я. Проппа [Пропп, 1969], Б. Н. Путилова [Путилов, 1960, с. 15—22] и др.

2.1. Общие исследования по русскому фольклору Северо-Востока Якутии

Примерно с XVII века село Русское Устье на Северо-Востоке Якутии становится местом длительного бытования традиционной русской духовной культуры, поскольку обособленная жизнь русскоустьинцев долгое время оставалась нетронутым самобытным явлением в окружении других этносов.

В научной литературе довольно подробно сообщается о времени записи былин на Индигирке, указываются имена собирателей. Так, фиксации фольклора на Индигирке в конце XIX — начале XX веков осуществляли В. М. Зензинов, Н. Д., Д. Д. Травины, М. А. Кротов, А. Л. Биркенгоф [РЭП, 1991, с. 9—12].

С. Н. Азбелев изучал былины и исторические песни Русского Устья и Колымы [Азбелев, 1982; ФРУ, 1986, с. 24—29]. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская собрали и опубликовали эпические произведения русских Северо-Востока Сибири [РЭП, 1991, с. 23—37; 48—56]. Для исследования исторических песен привлекалась работа А. Г. Игумнова «Поэтика русской исторической песни», где автор исследовал исторические песни с точки зрения общности фабульно-сюжетных основ [Игумнов, 2007, с. 130—154]. Важным является исследование Ю. А. Новикова, где он сравнивает былинные сюжеты на Русском Севере и на Индигирке [Новиков, 2013, с. 327—331].

О влиянии аборигенной культуры на традиции русской культуры русскоустьинцев пишут В. Л. Кляус, С. В. Супряга [Кляус, 2006, с. 3—17]. Так, Т. С. Шенталинская, изучавшая музыкальный фольклорный материал Северо-Востока Сибири, говорила о том, что видит не только северорусское влияние, но и родство с донской былиной [РЭП, 1991, с. 53—54].

Музыкаловедские исследования по русскому фольклору, записанному В. Г. Богоразом, В. И. Иохельсоном, в последнее время проводят Т. С. Шенталинская, Е. И. Якубовская, А. С. Яковлева [Шенталинская, 2016, с. 498—531; Якубовская, 2008, с. 181—246; Яковлева, 2022, с. 128—136].

Если обратиться к уточнению вопроса о том, какова роль сотрудников Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в изучении данной тематики, то можно вспомнить работу в экспедициях С. И. Боло, Т. А. Шуба, Н. М. Алексеева в 1940-е годы XX века.

Также в 1977 году в ходе подготовки академического издания «Фольклор Русского Устья» проводилась большая совместная экспедиция Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, участниками которой были сотрудники обоих институтов: С. Н. Азбелев, Ю. Н. Дьяконова [ФРУ, 1986, с. 13].

Позднее Л. Н. Скрыбыкина рассматривала особенности бытования былин русского населения Северо-Востока Сибири [Скрыбыкина, 1995].

В 2001, 2005, 2013 годах сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках совместных экспедиций побывали в Походске и селе Русское Устье.

Мы опираемся на описательный, сравнительно-сопоставительный метод, некоторые приемы лексико-семантического анализа.

Источниковой базой послужили сборники текстов «Фольклор Русского Устья» (1986), «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (1991), где представлены основные публикации исторических песен русских старожилов Севера Якутии [ФРУ, 1986; РЭП, 1991].

Материалом исследования стали произведения эпического фольклора, собранные во время работы Сибиряковской экспедиции конца XIX века. На Колыме Д. И. Меликов, В. Г. Богораз зафиксировали по одной песне о Чернышеве. В период работы этнографо-лингвистической экспедиции 1946 года в с. Русское Устье Н. А. Габышев записал песню от С. П. Киселева [РЭП, 1991, с. 354]. В Нижнеколымске записаны варианты от М. Г. Решетникова с разницей в несколько лет, вначале С. А. Федосеевой в 1959 году, затем — Т. А. Селюковой в 1961 году [Там же, с. 354—355].

Таким образом, всего в Якутии записано несколько вариантов песни «Чернышев в плену»: на Колыме — 4 текста в XIX—XX веках; на Индигирке в XX веке зафиксирован 1 вариант.

Благодаря этим записям мы можем провести не только синхронный, но и диахронный анализ вариантов данной песни. Рассмотрим особенности бытования исторической песни о графе Чернышеве. В целом сюжет довольно распространен по всей России, но некоторые особенности характеризуют каждый очаг бытования данной песни.

По сравнению с другими историческими песнями произведение о графе Чернышеве отличается тем, что оно довольно хорошо сохранялось и в Русском Устье, и на нижней Колыме до середины XX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Исследуем небольшой массив текстов песни о пленении графа Захара Григорьевича Чернышева (5 вариантов). Для этого будет определен характер

расселения русских старожилов на Индигирке и Колыме; также рассмотрим общий сюжет песни; варианты песни, зафиксированные на Индигирке и Колыме; уточним связь исторической песни с былинной; уделим внимание построению песни, образам песни; выясним характер утраты текстов песни.

3.1. Краткая история заселения Северо-Востока Якутии: Походска Нижнеколымского района; Русского Устья Аллаховского района

Для определения сюжетных особенностей песни «Чернышев в плену у прусского короля», неоднократно записанной на Северо-Востоке Якутии, уточним места бытования русского фольклора на Индигирке и Колыме.

Долгое время в низовьях Индигирки и Колымы продолжали рассказы-былины, и сейчас можно услышать сказки, предания, легенды, былички, устные рассказы. В районе Нижней Индигирки, как отмечено в сборнике «Фольклор Русского Устья», русские обосновались «не позднее первой половины XVII века»: «Русское население проживало почти изолированно <...>. Время от времени оно все же пополнялось новыми выходцами из Европейской России, прибывавшими сюда различными путями и приносившими новые произведения устной поэзии» [ФРУ, 1986, с. 6].

Низовья реки Колымы стали осваиваться русскими примерно в середине XVII века. Так, например, Ю. И. Смирнов писал: «Поречье Колымы заселялось русскими почти одновременно с нижней Индигиркой, хотя состав русского населения на ней менялся чаще, чем на Колыме» [РЭП, 1991, с. 32]. Е. А. Строгова пишет, что «в течение второй половины XVII — начала XVIII веков в низовьях Колымы из осевших здесь промышленников и служилых стала складываться группа населения, считавшаяся нижнеколымскими мещанами, но ведущая образ жизни рыбаков и охотников» [Строгова, 2014, с. 145].

Сбор русского фольклора в Походске и Среднеколымске связан с работой Сибиряковской экспедиции в 1890-е годы. Так, в 1893 году Д. И. Меликов, прокурор Якутской области, в рамках работы Сибиряковской экспедиции в Среднеколымске записал несколько былин и песен, в том числе историческую песню «Ах, ты, талан мой, таланчик» о Чернышеве [Чарина, 2013, с. 424]. В. Г. Богораз также фиксировал тексты русского фольклора в Походске в годы ссылки в 1895—1896 годах, например, былинные песни, главные герои которых — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Дюк Степанович» и др. [РЭП, 1991, с. 81—83, 92—94, 103—104, 106]. Также он записал песню «Ах ты воля, моя волюшка» [Богораз, 1901, с. 289—290], тоже посвященную интересующему нас сюжету.

Помимо указанных зачинов, названиями песни о Чернышеве служат также следующие: «Чернышев в плену» [ИП, 2001, с. 225—228], «Песня о пленении Чернышева», «Чернышев в светлице» [РЭП, 1991, с. 355].

3.2. Основной сюжет исторической песни «Граф Чернышев»

Наиболее полный вариант песни о графе Чернышеве приводится в сборнике «Исторические песни», где текст насчитывает 95 стихов. В этом варианте сообщается, что в «светлице» погуливает *посидельщик* — Чернышев Захар Григорьевич. Король прусской требует от него службы. В ответ Чернышев сообщает о желании отомстить. Далее Чернышев собирается писать письмо «великой государыне», но в этот момент «артиллерия подкатила». Король прусской срочно освобождает графа Чернышева, «просит замиренница». Но граф Чернышев уверяет:

Мы возьмем его Крестин-город,

Разобьем крестински крепости! [ИП, 2001, с. 225—228].

Иначе развивается повествование в варианте «Ты талан ли мой худой» [СНПК, 1977, с. 110], в концовке которого появляется

Русская армия царя белого,

Царя белого Петра Первого [Там же].

Таким образом, граф Чернышев спасается от неминуемой смерти.

Вариант «Ах ты воля, моя волюшка», зафиксированный В. Г. Богоразом, отличается тем, что составлен из текста, записанного от М. Кривогорницына, и вставок, услышанных от М. Соковикова и других неизвестных лиц [Богораз, 1901, с. 170]. Текст насчитывает 35 стихов [Там же, с. 289—290].

Следующий вариант «Ах, талан, ты мой таланчик» записан в Среднеколымске от неизвестного лица, насчитывает 35 стихов. Этот вариант наиболее последователен в изложении: Чернышев сетует на то, что оказался в темнице, прусской король требует «веры-правды» от Чернышева.

Тут воскликнул российский граф:

«Ах, ты воля моя, волюшка!

Прилучился бы мне добрый конь,

Солучилась бы мне сабля острая,

Послужил бы я тебе, прусский король

Над тобой, над шеей над немецкою,

Над твоей башкой басурманскою» [Чарина, 2013, с. 434—435].

Вариант, записанный на Индигирке в 1946 году, начинается со слов:

Ох, талан мой, участь горькая,

На роду мне написано [РЭП, 1991, с. 354].

Данный вариант включает 29 стихов. С. П. Киселев, исполнивший этот текст, являлся представителем семьи сказочников и песенников. Как известно, русскоустыинские исполнители фольклора старались ничего не менять в тексте былин, исторических песен, сказок. Замечаются небольшие изменения, связанные с неточным именованьем графа Чернышева — Чер-

ношлев [Там же]. Следует указать, что Семен Петрович Киселев вставлял якутские слова в сказки и некоторые песни [ФРУ, 1986, с. 88; РЭП, 1991, с. 328]. Возможно, *Черношлев* — модификация фамилии, возникшая под влиянием якутского произношения этой фамилии.

3.3. Связь исторической песни «Чернышев в темнице» с былинной традицией

О связи былин и исторических песен в их сюжетах, подаче героя, напеве говорят многие исследователи. Так, вслед за Б. Н. Путиловым А. Г. Игумнов указывает, что механизмы наследования сюжетов, образов, тем обеспечивают их воспроизведение в более поздних текстах о новых героях [Игумнов, 2008, с. 230].

*Отмыкает он скоренько погреб да холодный
Да подходит ко решеткам ко железным;
Растворил он решетки да железные,
Да там старый казак да Илья Муромец* [Б, 1988, с. 123].

Мы видим, что в былине обстоятельно повествуется о нахождении в темнице Ильи Муромца.

В исторической песне о полонении Пожарского есть следующие строки:
*Повели же Пожарского ко тому князю крымскому,
Еще стал его крымский князь много спрашивать:
«Ты скажи мне, молодец, всю верою-правдою,
Послужи ты мне, молодец, как служил царю белому
Как служил царю белому, царю Ивану Васильевичу?»* [СНПК, 1977, с. 91].

Далее следуют строки, в которых реализуется мотив мечтаний Пожарского о том, как бы он расправился с крымским ханом.

Сюжет о нахождении в плену Ермака, Пожарского повторяется в песне о графе Чернышеве [ИП, 2001, с. 79—83; СПК, 1977, с. 91—92].

3.3.1. Былинные мотивы в исторической песне

Хотя песня «О пленении графа Чернышева» и небольшая, но она выдержана в традициях построения былины как крупного жанра. Здесь встречаются образы, темы, мотивы, языковые средства, характерные для былин и ранних исторических песен, ср. обращение в речи Захара Григорьевича Чернышева:

Ах ты гой еси, прущой король! [Богораз, 1901, с. 289].
Ох ти гой еси, прусский король [РЭП, 1991, с. 354].

Ср. варианты зачинов-обращений в речи этого персонажа: *Ах ты гой еси, прусской король!* [ИП 19991, с. 227], *Гой еси ты, шведской король* [СНПК, 1977, с. 111].

Конечно, длинных, обязательных описаний угощения гостей, седлания коня, оружия богатыря, замедлявших повествование былин, уже нет

в исторических песнях. Герой произведения — историческая личность, он ходит, действует, говорит, как былинный герой:

*Прикажи меня жить-кормить,
Прикажи на волю выпустить,
Не прикажешь ты поить-кормить,
Прикажи меня скорей казнить* [Чарина, 2013, с. 434].

Приведем описание угощения Дюка Степановича, прибывшего «в стольный Киев-град»:

*Принимают Дюка с честью, с радостью,
Посадили Дюка во перед за стол,
Подносили ему по румочки, —
Он румку принял, назад выплюнул,
Подносили Дюку по калачику* [РЭП, 1991, с. 107].

Отрывок из былины о Дюке Степановиче исполнил М. Сокоиков, записал В. Г. Богораз в 1897 году.

Эти записи можно сопоставить с фрагментом исторической песни о Ермаке в плену у татар:

*А ты гой еси, турецкий царь
Салтан Салтанович!
Прикажи ты меня поить, кормить,
Либо казнить, либо на волю пустить!* [ИП, 2001, с. 80].

Жанровую специфику имеет предметный мир былины.

И былинные герои, и герои исторических песен не могут обойтись без «острой сабли»:

*Ты бери моего военного коня,
Ты бери мою саблю вострую* [РЭП, 1991, с. 132].

Этот эпизод из былины о Даниле Игнатьевиче и его сыне Михайле исполнил К. Рожин, записал В. М. Зензинов в 1912 году в Русском Устье. Ср. еще описание атрибутов воина в песне: *Случилась бу сабля вострая* [Богораз, 1901, с. 290]. В былине о Потопе Михайловиче, исполненной на Колыме М. Сокоиковым, записанной В. Г. Богоразом, видим: *Поимал он свою саблю, саблю вострую* [РЭП, 1991, с. 130]. Ср. описание действий другого богатыря, Данилушки Игнатьевича: *Не берет он в руки саблю вострую* (запись 1946 года Н. А. Габышева от С. П. Киселева) [Там же, с. 141].

Займствование деталей предметного мира из былинного текста имеет место в варианте изучаемой нами исторической песни, зафиксированном в 1959 году от М. Г. Решетникова:

*В опоясочку серебряной,
А перчатки-то лайковые*

Шапку носит землегреческую [РЭП, 1991, с. 354].

Здесь заметна связь с былиной о Добрыне и змее, бытовавшей на Колыме и Индигирке. В памяти исполнителя всплывает мотив «шапки / шляпы землегреческой».

«В былине матушка напутствует Добрыню Никитича:

Не скидывай со себя шляпу черную,

Насытай ты шляпу черную хрущата песка» [РЭП, 1991, с. 74].

В концовке песни Чернышев сетует на то, что у него отсутствует добрый конь: *Прилучился бы мне добрый конь* [Чарина, 2013, с. 435]; *Кабы мне вороного коня* [РЭП, 1991, с. 354—355].

Как можно видеть, песни о графе Чернышеве наследуют некоторые приемы и средства создания образов из былинной традиции.

3.4. Построение исторической песни «Чернышев в темнице»

Наиболее популярен зачин песни «Ах талан, ты мой таланчик», включающий слова *талан / таланчик* в значении ‘судьба’:

Ты талан ли мой худой,

Или участь моя горькая [СНПК, 1977, с. 110].

Ах ты воля, моя волюшка,

Довела воля до горушка!..

Участь злая, участь горькая,

На роду мене написана

[Богораз, 1901, с. 289—290].

Песня фиксировалась в тех же местах, что и вариант Меликова, однако у него зачин иной, со словами *волюшка, участь злая, участь горькая* [Там же].

В русскоустыинском варианте говорится о том, что граф *Черношлев* находится в «светлой шветлице» [РЭП, 1991, с. 354]. В колымских вариантах граф также описан пребывающим «в светлице» [Богораз, 1901, с. 289; Чарина, 2013, с. 434].

Развитие сюжета данной песни в целом традиционное: граф, содержащийся в плену у короля прусского, «по светлице похаживает»; король требует послужить ему «верой-правдою», но слышит в ответ гордый ответ графа:

Ох, кабы мне саблю вострую

Да послужил бы тебе неизменною

По твоей татарской шеечке [РЭП, 1991, с. 355].

Таким образом, концовка исторической песни традиционная, хотя и усеченная (нет появления русского царя), она сохранена во многих вариантах песни.

3.5. Образы песни «Чернышев в темнице»

Главным персонажем песни, безусловно, является Чернышев. Подчеркивается смелость графа, проявляющаяся, например, в его разговоре с прусским королем:

Как возговорил российский князь

Самому ли королю прущкому [СНПК, 1977, с. 110].

Тут с проговоркою к нему да российский граф [Чарина, 2013, с. 432].

В Русском Устье, по-видимому, бытовал тот вариант, который фиксировался в Походске или Нижнеколымске.

Второй по значимости персонаж песни — прусский король [Чарина, 2013, с. 432]. Он именуется следующим образом: «прусский король» [Чарина, 2013, с. 432]; «пруцкой король» [Богораз, 1901, с. 289], «король прусской» [РЭП, 1991, с. 354], «король» [РЭП, 1991, с. 355]. Это антагонист главного героя. На требование графа «прикажи меня жить-кормить» он отвечает:

Прикажу тебя кормить-поить,

Прикажу тебя на волю выпустить,

Послужи за то мне верой-правдою,

Верой-правдою неизменною,

Как служил ты царю белому [Чарина, 2013, с. 432].

В некоторых вариантах песни вместе с королем появляется «королевна» [Богораз, 1901, с. 289].

Наконец, в качестве персонажа заднего плана выступает «царь белый» [Чарина, 2013, с. 434; РЭП, 1991, с. 355]. Роль его значительна, так как он олицетворяет собой родину, волю, доблесть.

3.6. Место действия исторической песни «Чернышев в плену»

Охарактеризуем место действия. В этой песне есть точное обозначение страны, города, дается прямое упоминание шведского (прусского) короля. Действие происходит «во *Кестриме*» — в городе, где находится в плену граф Чернышев. В записи Меликова: «Доставался мне *Кестрим-город*» [Чарина, 2013, с. 434.]. У Богораза название городка — «*Кыстрим*» [Богораз, 1991, с. 289]. В русскоустьинском варианте действие происходит в «*Иструм-городе*» [РЭП, 1991, с. 354].

Однако в ряде вариантов песни изменено место действия, им становится татарский плен, ср. маркеры в текстах: *шея татарская поганая* [Богораз, 1901, с. 290], *татарская шеечка* [РЭП, 1991, с. 355]; *татары-басурманы* [РЭП, 1991, с. 355].

3.7. Изменения и утрата произведения

Уже в ранней записи песни, в варианте, зафиксированном В. Г. Богоразом, главный герой назван искаженным именем: *Чернышев Егор Захарьевич*

[Богораз, 1901, с. 289]. Вероятно, песня исполнялась редко, отсюда происходит инверсия: изменена последовательность имени и отчества персонажа.

Если сравнить тексты песни, записанные в 1893—1897 годах, с двумя текстами, зафиксированными от М. Г. Решетникова в 1959 и 1961 годах, то заметны значительные изменения в композиции и составе персонажей: героев и врагов. Два варианта песни о Чернышеве фиксировались от одного исполнителя на Колыме, первый текст насчитывает 29 стихов, второй — 24 стиха. Здесь нет зачина, главный герой (*Черницов*) страдает «в светлице», он жаждет расправиться с врагом саблей вострой по «татарской шеечке» [РЭП, 1991, с. 354—355]. Также в записи С. А. Фетисовой и Т. А. Селюковой отсутствует упоминание о городе. Герой сразу оказывается в «татарском плену», «в светлице» [РЭП, 1991, с. 355—356]. Далее сюжет развивается в этом направлении: «татары-басурманы», «татарские полки» [Там же].

Следовательно, в Якутии существовали два основных варианта песни о пленении графа Чернышева, которые расходятся в определении образа врага главного героя — либо прусский (шведский) король, либо татарский хан.

В вариантах XX века, записанных от М. Г. Решетникова, обращает на себя внимание отсутствие зачина.

В первый вариант песни исполнитель привносит знакомые стихи:

Носит он сапожки—то зелен сафьян,

Носит сабельку серебряную

В опоясочку серебряной,

А перчаточки—то лайковые

Шапочку носит землегреческую,

И трубочку покуривает пенковую [РЭП, 1991, с. 354].

Одежда героя описывается схоже с одеянием Ставра Годиновича [РЭП, 1991, с. 244] или Скопина [Чарина, 2013, с. 424].

Здесь, безусловно, наблюдается конфликт с песенной действительностью в повествовании: Черницов находится в плену, он должен быть обездороженным, а в концовке произведения — мечтать о «сабле вострой» для того, чтобы отомстить «басурманам» [Там же].

Второй вариант «Черницов в светлице» в исполнении М. Г. Решетникова значительно короче, но тоже присутствует диалог, и здесь это диалог татарина-басурманина и Черницова. По-видимому, певцу не важно, кто враг; важнее центральный персонаж песни.

В варианте песни, зафиксированном В. Г. Богоразом, *вороной конь* заменен на формулу *лошадь добрая* [Богораз, 1901, с. 290]. Вероятно, в этом случае распаду подвергся образ былинного коня, поскольку на Северо-Востоке Якутии о конях / лошадях знали, но видели их не часто. В записях

песни, сделанных в других местах России, встречается формула: «*Кабы у меня был добрый конь!*» [СНПК, 1977, с. 111].

4. Заключение = Introduction

Историческая песня «Чернышев в плену» фиксировалась с конца XIX века до середины XX века и на Индигирке, и на Колыме. Существовало несколько вариантов песни, заимствования внедрялись из разных мест прежнего бытования — от вологодских вариантов до Алтая, где зафиксирован сходный вариант песни [РЭП, 1991, с. 445].

Заметим, что в сборнике «Древние российские стихотворения, собранные Киршеном Даниловым» не встречается сюжет исследуемой песни.

По сравнению с другими историческими песнями, бытовавшими на Индигирке и Колыме, например песнями о Скопине, в песне о графе Чернышеве практически нет влияния якутского языка. Определяющими факторами были исполнитель и место бытования текста.

Сегодня можно говорить о постепенной утрате данной песни и ее исчезновении из репертуара русских старожилов во второй половине XX века.

Источники и принятые сокращения

1. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. АН, 1901. — Т. 68. — № 4. — 346 с.
2. Б — *Былины* / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. — Москва : Советская Россия, 1988. — Библиотека русского фольклора. — Т. 1. Библиотека русского фольклора. — 576 с.
3. ИП — *Исторические песни* / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. — Москва : Русская книга, 2001. — Библиотека русского фольклора. — Т. 7. — 528 с. — ISBN 5-268-00784-X.
4. РЭП — *Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока* / Сост. Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. — 499 с.
5. СНПК — *Собрание народных песен* П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подгот. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соимонова. — Ленинград : Наука, 1977. — Т. 1. — 308 с.
6. ФРУ — *Фольклор Русского Устья* / Ответ. ред. С. Н. Азбелев, И. А. Мещерский. — Ленинград : Наука, 1986. — 384 с.
7. Чарина О. И. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. / О. И. Чарина // Из истории русской фольклористики. — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — Выпуск 8. — С. 110—114.

Литература

1. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика / С. Н. Азбелев. — Ленинград : Наука, 1982. — 327 с.

2. Головин В. В. Фольклор русских в иноэтническом окружении / В. В. Головин // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1995. — Выпуск 6. — С. 14—23. — ISBN 5-86132-018-7.
3. Игумнов А. Г. Поэтика русской исторической песни / А. Г. Игумнов. — Новосибирск : Наука, 2007. — 252 с. — ISBN 978-5-02-032394-0.
4. Кляус В. Л. Песенный фольклор русскоустинцев в Якутии и семейских Забайкалья. Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении / В. Л. Кляус, С. В. Супруга. — Курск : Издательство Регионального открытого социального института, 2006. — 213 с. — ISBN 5-88995-093-2.
5. Новиков Ю. А. Эпический мир и способы его художественного воплощения / Ю. А. Новиков. — Вильнюс : Издательство Литовского эдукологического университета «Эдукология», 2013. — 358 с. — ISBN 978-9955-20-883-9.
6. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Наука, 1969. — 168 с.
7. Путилов Б. Н. Исторические песни XIII—XVI веков / Б. Н. Путилов, В. М. Добровольский. — Москва ; Ленинград : Наука, 1960. — 696 с.
8. Путилов Б. Н. Фольклорный процесс и этническая история Сибири и Дальнего Востока / Б. Н. Путилов // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск : Алтайское книжное издательство, 1986. — С. 15—22.
9. Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения северо-востока Сибири / Л. Н. Скрыбыкина. — Новосибирск : Наука, 1995. — 364 с. — ISBN 5-02-030760-2.
10. Смирнов Ю. И. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. — С. 9—48. — ISBN 5-02-029729-1.
11. Строгова Е. А. Истоки культурной традиции русских старожилы Нижней Колымы / Е. А. Строгова // Арктика и Север. — 2014. — № 16. — С. 144—152.
12. Чарина О. И. Некоторые особенности русской локальной традиции Якутии : исторические песни о Скопине / О. И. Чарина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. — Серия 2 : Искусствоведение и филологические науки. — 2022. — № 2. — С. 116—122. — DOI: 10.46418/2079-8202-2022-2-16.
13. Шенталинская Т. С. Еще раз о записях русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедицией : диалог с Е. И. Якубовской / Т. С. Шенталинская // Русский фольклор. Материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2016. — Т. 35. — С. 498—531. — ISBN 9785860078260.
14. Шенталинская Т. С. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Т. С. Шенталинская ; Сост. Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. — С. 48—56. — ISBN 5-02-029729-1.
15. Шуб Т. А. Исторические песни из Русского Устья / Т. А. Шуб // Русский фольклор : материалы и исследования : в 36 томах. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1958. — Т. III. — С. 361—368.
16. Якубовская Е. И. Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона / Е. И. Якубовская // Русский фольклор. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. 33. — С. 181—246. — ISBN 978-5-02-025209-7.
17. Яковлева А. С. Этномузыкальные традиции фольклора русских старожилы Северо-Востока Сибири как объект исследования / А. С. Яковлева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2022. — № 1. — С. 128—136. — DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.012.

Material resources

- Bogoraz, V. G. (1901). *Regional dictionary of Kolyma Russian dialect*, 68 (4). St. Petersburg: Type. Imp. AN. 346 p. (In Russ.).
- Charina, O. I. (2013). Folklore recordings made by D. I. Melikov in the Nizhnekolymsky Krai in 1893. In: *From the history of Russian folklore*, 8. St. Petersburg: Nauka. 110—114. (In Russ.).
- Collection of folk songs by P. V. Kireevsky. Language records in Simbirsk and Orenburg provinces*, 1. (1977). Leningrad: Nauka. 308 p. (In Russ.).
- Epics*, 1. *Library of Russian Folklore*. (1988). Moscow: Soviet Russia. 576 p. (In Russ.).
- Folklore of the Russian Mouth*. (1986). Leningrad: Nauka. 384 p. (In Russ.).
- Historical songs*, 7. *Library of Russian Folklore*. (2001). Moscow: Russian Book. 528 p. ISBN 5-268-00784-X. (In Russ.).
- Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. (1991). Novosibirsk: Nauka. 499 p. (In Russ.).

References

- Azbelev, S. N. (1982). *Historicism of epics and specifics*. Leningrad: Nauka. 327 p. (In Russ.).
- Charina, O. I. (2022). Some features of the Russian local tradition of Yakutia: historical songs about Skopin. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art History and Philological Sciences*, 2: 116—122. DOI: 10.46418/2079-8202-2022-2-16. (In Russ.).
- Golovin, V. V. (1995). Folklore of Russians in a non-ethnic environment. In: *Preservation and revival of folklore traditions*, 6. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 14—23. ISBN 5-86132-018-7. (In Russ.).
- Igumnov, A. G. (2007). *Poetics of Russian historical song*. Novosibirsk: Nauka. 252 p. ISBN 978-5-02-032394-0. (In Russ.).
- Klyaus, V. L., Supryaga, S. V. (2006). Song folklore of the Russo-Ustin people in Yakutia and the Semey Transbaikalia. In: *Materials for the study of existence in a non-ethnic environment*. Kursk: Publishing House of the Regional Open Social Institute. 213 p. ISBN 5-88995-093-2. (In Russ.).
- Novikov, Yu. A. (2013). *Epic world and ways of its artistic embodiment*. Vilnius: Publishing House of the Lithuanian Educational University “Educology”. 358 p. ISBN 978-9955-20-883-9. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1969). *Morphology of fairy tales*. Leningrad: Nauka. 168 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N., Dobrovolsky, V. M. (1960). *Historical songs of the XIII—XVI centuries*. Moscow; Leningrad: Nauka. 696 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1986). Folklore process and ethnic history of Siberia and the Far East. In: *Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East*. Gorno-Altaysk: Altai Book Publishing House. 15—22. (In Russ.).
- Shentalinskaya, T. S. (1991). *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka. 48—56. ISBN 5-02-029729-1. (In Russ.).
- Shentalinskaya, T. S. (2016). Once again about the records of Russian folklore by the American North Pacific Expedition: a dialogue with E. I. Yakubovskaya. In: *Russian folklore. Materials and research*, 35. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 498—531. ISBN 9785860078260. (In Russ.).
- Shub, T. A. (1958). Historical songs from the Russian Mouth. In: *Russian folklore: materials and research: in 36 volumes. Russian Folklore, III*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 361—368. (In Russ.).



- Skrybykina, L. N. (1995). *Epics of the Russian population of the North-East of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 364 p. ISBN 5-02-030760-2. (In Russ.).
- Smirnov, Yu. I. (1991). *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka. 9—48. ISBN 5-02-029729-1. (In Russ.).
- Strogova, E. A. (2014). The origins of the cultural tradition of the Russian old—timers of the Lower Kolyma. *Arctic and the North*, 16: 144—152. (In Russ.).
- Yakovleva, A. S. (2022). Ethnomusicological traditions of folklore of Russian old-timers of the North-East of Siberia as an object of research. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 1: 128—136. DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.012. (In Russ.).
- Yakubovskaya, E. I. (2008). Traditional folklore of the Russian population of Anadyr and Kolyma in the records of V. G. Bogoraz and V. I. Iokhelson. In: *Russian Folklore*, 33. Saint Petersburg: Nauka. 181—246. ISBN 978-5-02-025209-7. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.07.2022,
одобрена после рецензирования 03.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.